

Девятка мечей

Беспокойный ум

Nine of Swords

Когда беспокойство и тоска овладевают умом, **самое трудное – это успокоиться, чтобы иметь возможность взглянуть на проблему со стороны и найти решение.**

Круг за кругом движение беспокойства, это как карусель сошла с ума.

Очень часто бывает беспокойство на чужой счет.

Оно может быть оправданным или неоправданным, но в середине тоска, ум не может понять разницу.

Что делать, когда это произойдет?

Появление этой карты в раскладе - это сигнал, что разум идёт по кругу, за тревогой по беговой дорожке, и независимо от причины, вы должны найти способ, чтобы расслабиться и успокоиться, для того, чтобы увидеть, что именно вас беспокоит.

И не зависимо от того, есть решение или его нет - но беспокойство не поможет.

Иногда, девятка мечей может означать, что вы беспокоитесь о том, что уже произошло: или что есть решение прямо перед Вами, и вам нужно, просто успокоиться, чтобы использовать его.

Ключевые слова: Беспокойство. надрыв. страх. беспокойство. ночная паника. беспокоиться о другом. прогон опасностей. перегруженное мрачное воображение..

Перевернутый: - облегчение, или решение, которое приходит. ум успокаивается после периода тоски .

Париж встречается с Дж. Гранвилем.

Именно в апреле 1834 года Филиппон, издатель «Карикатуры», понял, что его сатирическая газета должна была нанести серьезный удар.

Я нашел Гранвиля вместе с ним на улице Обер (Aubert's) в печатном магазине в Palais-Royal (**Пале-Рояль**^[2] (фр. *Palais Royal* — «королевский дворец») — площадь, дворец и парк, расположенные в Париже напротив северного крыла Лувра.), когда я заглянул туда, чтобы забрать мою копию «Ежемесячной литографии», которая была продана, чтобы заплатить непомерные штрафы и судебные издержки, которые легли на популярную газету " Карикатура».

Гранвиль отдал большую часть карикатур в «Ежемесячную литографию».

Они были сложными и все более пессимистичными изображениями политической ситуации во Франции, где небольшое обещание свободы после революции в июле 1830 года испарилось в сильном ветре консерватизма.

Гранвиль и Филиппон выглядели мрачно.

«Ты получаешь свою последнюю литографию месяца», - вздохнул Филиппон .

«А, я подумал, когда вчера проголосовали за новый закон о обществах и организациях. Вам нужно будет закрыть Ассоциацию? - спросил я, имея ввиду общество, которое он основал для защиты интересов прессы – «Ассоциацию за свободу прессы», в которой и публиковалась «Ежемесячная литография».

Мы подошли к дворцовым садам Тюильри и сели на скамейку.

Рядом с нами, красиво расцвели первоцветы , и весна превращала старую серую траву в ярко-зеленую. Дети играли с мячом, и вдруг перед нами, мальчик споткнулся и упал на живот, сразу прибежали, очень взволнованные родители.

Филиппон всё еще говорил, а я увидел, что на бумаге ребенок превратился в птицу, выпавшую из гнезда. К ней приближался жестоко выглядящий орёл, одетый как егерь.

«Я беспокоюсь, что у «Карикатуры» не останется времени, чтобы существовать, если Ассоциацию придется закрыть.

Нам нужно найти деньги, чтобы поддержать её, и надеяться на совесть нашего согражданина .

Но как?»

P.S.

На протяжении нескольких лет ежедневно в очередном номере «Карикатюр» появлялась свежая литография. После многих публикаций случались скандалы. Тогда в редакции появлялся полицейский наряд с ордером на арест или изъятие тиража. Бывало, что в офис журнала врывается кипящий яростью сам невольный герой карикатуры или же чинно входит важный адвокат скомпрометированного вельможи.

Для Домье и его патрона такие визиты далеко не всегда заканчивались штрафом или объяснениями на повышенных тонах. Порой дело доходило до суда (за время существования журнала на его владельца и сотрудников было подано более сотни судебных исков). Несколько раз художник оказывался за решёткой, впрочем, всегда ненадолго.

Для справки: несколько парижских карикатуристов описываемого периода были убиты за свои рисунки на дуэлях. Кого-то находили с проломленным черепом в Сене. Так что профессия оппозиционного политического карикатуриста во все времена была весьма опасной для его жизни.

Но ещё более удивительно, как в монархической стране с довольно строгими порядками сатирик, профессионально обличающий пороки власти и финансовой элиты, невзирая на должности и капиталы, мог так долго пользоваться творческой и личной свободой.

Впрочем, всё же настал день, когда вконец потерявшие терпение власти издали драконовский закон, направленный против демократической печати. Журнал «Карикатюра» был закрыт, а его издатель и главные авторы одной дружной компанией угодили в тюрьму. Вместе с ними в каменном мешке оказались главные редактора и авторы ещё дюжины либеральных изданий Парижа. Это была грандиозная зачистка антиправительственной прессы.

Чтобы избавиться от сурового тюремного режима и скорее выйти на свободу, многие узники-журналисты и в том числе Домье и Филиппон, хлопчут через адвокатов, чтобы их признали душевнобольными и перевели в клинику доктора Пинеля. Об этой внезапной эпидемии безумия среди «господ писак» впоследствии с сарказмом писал в своих мемуарах префект парижской полиции.

* * *

Выйдя на свободу, Шарль Филиппон основывает новый журнал с бессмысленным названием «Шаривари» («Кавардак»). Чтобы остаться на рынке, издатель клянётся больше не заниматься политикой и обещает надзирающим за прессой чиновникам, что его новый журнал будет чисто развлекательным и содержать статьи и карикатуры на лёгкие фривольные темы.

Отныне французская политическая карикатура находится под строгим цензурным присмотром, и Домье приходится осваивать эзопов язык, чтобы продолжить прерванный тюремным заключением разговор со своими постоянными читателями. Впрочем, не только цензоры, но и собственные редактора постоянно требуют от находящегося на заметке у властей сатирика максимальной политкорректности. В итоге признанному политическому трибуну приходится переключиться на безопасное высмеивание «милых» недостатков мелкой буржуазии. В этот период своей жизни Домье создаёт серии рисунков, в гротескной форме показывающих убогий внутренний мирок французского мещанина.

Бодлер писал о том времени так: «Карикатура стала иного качества, утратила специфический политический характер и пошла по пути обычной общественной сатиры».

Впрочем, и на поприще обличителя мещанских нравов представителей среднего класса Домье добился многого. Во всяком случае, многие его работы вызвали ожесточённые споры у современников. Да и сегодня литографии полуторавековой давности во многом не утратили своей актуальности. Конечно, поменялись политическая ситуация, мода, техника, но человеческая психология осталась неизменной. По-прежнему духовная пустота, равнодушие ко всему, что не касается эгоистических интересов, остается самым распространённым пороком типичного обывателя, тупеющего в своём благополучном мирке. Многие современные буржуа – те, кого принято ныне называть «офисным планктоном», тоже готовы идти по чьим-то головам ради мечты, нет, конечно же, не о новом экипаже, а о последней марке престижного автомобиля.

(- в 1835 году во Франции издается новый, очень суровый закон о печати. За каждое оскорбление короля и правительства теперь грозит многолетнее тюремное заключение и денежный штраф до 50 тысяч франков.).

Третье письмо ласточки

(рассказ к картинке стр. 360 «Сцены частной и общественной жизни животных»)

.....Когда бы меня не вынудили обстоятельства, я бы, конечно, не стала писать Вам сегодня. День мой начался при очень печальных предзнаменованиях, и я боюсь, как бы это не отразилось на моем послании. Вчера вечером, по прибытии сюда, я познакомилась с одним любезным семейством. Отец, мать и пятеро малых детей. Они приветствовали меня так мило и добродушно, что я сочла своим долгом нынче утром нанести им визит. Приняли они меня еще более радушно, и эта вторая встреча лишь умножила мое уважение и мою благодарность; я простилась с ними и уже собиралась лететь к себе, как вдруг услышала вопль скорби и боли, донесшийся из гнезда моих добрых знакомцев.

Положение и впрямь было ужасное: один из птенцов неосторожно взмахнул неокрепшими крыльями и упал на землю; падение само по себе не принесло ему никакого вреда, но жизнь его висела на волоске. Огромный Ястреб завидел добычу и устремился к ней; именно это привело в отчаяние несчастных родителей.

Мать раздумывала недолго. Она прошептала мужу несколько слов – по-видимому, о том, как взрастить четырех малышей, которых она оставляла на его попечении, затем поцеловала их всех в последний раз, сказала родным последнее прости и, бросившись вниз, к птенцу, который по-прежнему лежал на земле недвижим, прикрыла его своим телом. Страшный Хищник, в жертву которому она готовилась себя принести, приближался с удвоенной скоростью; он уже давно приметил добычу и не сомневался в успехе.

Произошло то, что должно было произойти: злодей унес мать, а дитя осталось; выждав минуту из осторожности, отец слетел вниз, на место трагедии, чтобы забрать то, чего не тронули когти Хищника. Он возвратил Птенчика в гнездо и занял опустевшее место матери; все было кончено.

Я не смела нарушить скорбь вдовца, еще недавно такого счастливого и такого певучего, и наблюдала издали за его безмолвным горем, как вдруг неподалеку послышался чудовищный грохот. Мы оба разом устремили взоры в ту сторону, откуда приближалась эта новая опасность, и с радостью, которую я даже не стану пытаться описывать, но которую Вы поймете сами, увидели, что похититель нашей несчастной подруги падает замертво, сраженный пулей, а сама она стремглав летит к собственному гнезду, куда она уже не чаяла воротиться. Я всем сердцем разделяла восторг моих друзей; счастье их было так велико, что нуждалось в свидетеле: меня призвали, меня обласкали; пережитое горе и нежданная радость сблизили нас.

Тем не менее я не хотела быть нескромной, оставаясь с ними чересчур долго; я уже улетала, когда огромный Зверь из тех, кто обитает в городах и кого зовут Браконьерами, приблизился, насвистывая, к дереву, в густой листве которого пряталось гнездо Малиновок; на спине он нес сумку, из которой торчала голова их врага, а на плече – то оружие, с помощью которого он избавил их от опасности. При виде этой картины несчастная мать не могла сдержать крика радости, одного из тех криков, которые способны тронуть самое черствое сердце. Но, кажется, у тех существ, о которых я говорю, сердца нет вовсе.

– Так-так! – произнес этот Зверь страшным голосом. – Вы поете, милочка! Песня хороша, но еще лучше будете вы сами на вертеле. От птенцов толку мало, но не будем разлучать тех, кого соединил Господь.

С этими словами он схватил потрясенных Птиц, сунул их в свою сумку и удалился, продолжая насвистывать. Вот отчего я нынче печальна.....